

**Политическая полиция при В.К. Плеве и при В.Ф. Джунковском.
Приоритеты и преобразования.**

Фигуры, поставленные рядом в заголовке, объединяет многое. Вячеслав Константинович Плеве (1846—1904) — второй (после И.О. Велио) директор Департамента полиции, занимал этот пост с 15 апреля 1881-го по 20 июля 1884 г. Затем, как признанный специалист в области политического сыска, он был назначен товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией. А 4 апреля 1902 г. стал министром внутренних дел и шефом Отдельного корпуса жандармов. Владимир Федорович Джунковский (1865—1938) являлся товарищем министра внутренних дел и командиром корпуса жандармов с января 1913-го по сентябрь 1915 г. Оба стояли у руля политической полиции Российской империи, определяли приоритеты ее деятельности, характер и направление реформ.

Один из моих героев руководил Департаментом полиции в самом начале его существования, другой — в самом конце. У обоих были собственные, совершенно определенные, представления о задачах политической полиции и о способах их решения, то есть о методах работы. И мне хотелось бы проследить, в какой степени от их воли зависели основные тенденции развития ведомства.

На первых порах в штате Департамента полиции насчитывалось всего 125 человек. Вопросами политического розыска ведало третье (секретное) делопроизводство, а с 1898 года — Особый отдел, который курировал также деятельность заграничной агентуры. Кроме того, в этом учреждении имелась справочная часть, которую составляли коллекция фотографий и библиотека нелегальных изданий, унаследованная от III отделения. На местах «розыскными и осведомительными» источниками Департамента полиции служили Губернские жандармские управления, а также «Отделения по

охранению безопасности и порядка», существовавшие первоначально только в столицах и Варшаве. Этим, последним, учреждениям суждено было сыграть роль своеобразных лабораторий, в которых отрабатывались новые приемы и методы розыскной работы.

Постепенно руководство политической полиции пришло к заключению, что подрыв бастионов противника следует вести изнутри. Внешнее давление оказывалось неэффективным главным образом потому, что, устраняя недовольных, политическая полиция не устраняла причины недовольства. От внешнего наблюдения, попросту говоря – слежки, и последовательных арестов подозрительных лиц акценты смещались в сторону развития внутренней агентуры в революционной среде.

Под рукой жандармов старой школы подрастало молодое поколение деятелей политического розыска, которым покровительствовал В.К. Плеве. Один из наиболее ярких его представителей, Г.П. Судейкин, развернул широкомасштабную вербовку внутренней агентуры «нового образца» из числа ренегатов революции. Их внедрение в организационные структуры нелегальных партий позволяло не только контролировать революционное движение, но и манипулировать им. Даже «провал» секретного сотрудника правительства был бы ему на руку, подтачивая силы революционного лагеря, сея в нем подозрительность и неуверенность в своих бойцах. Повальные обыски и скоропалительные аресты сменила тщательно продуманная филерская опека над объектом наблюдения, предварительное установление его связей и т.д. При самой массовой ликвидации о ком-то намеренно забывали — свечу оставляли гореть на подоконнике, увлекая все новые жертвы в искусно расставленные сети. Результаты не заставили себя ждать. К середине 80-х «Народная воля» была разгромлена и организация подобного масштаба (ПСР) смогла появиться лишь в начале XX в.

Революционное движение не ограничивалось Петербургом и Москвой, что требовало реформирования структуры политического сыска. Служба наружного наблюдения, созданная задолго до организации Департамента

полиции, была централизована с появлением в 1894 г. при Московском охранном отделении Летучего отряда филеров. В 1902 г., по образу и подобию столичных, были образованы Охранные (или розыскные) отделения в губернских городах. Это позволяло Департаменту эффективно координировать деятельность сыска в масштабах империи.

Хотя появление этих подразделений вызвало и некоторые проблемы. С увеличением значения в деле политического розыска охранных отделений усиливается соперничество между ними и ГЖУ. Конфликтные ситуации вызывались нередким несоответствием чина и властных полномочий, а также тесным переплетением служебных функций представителей ГЖУ и ОО. Руководители охранных отделений, которые являлись офицерами Корпуса жандармов, в строевом отношении были подчинены начальникам ГЖУ. Начальники ГЖУ (обычно полковники или генерал-майоры), в свою очередь, в служебном отношении нередко подчинялись младшим по чину начальникам ОО. Функции ГЖУ (наблюдательная деятельность и проведение дознаний) и ОО (розыскная работа) формально были разведены, однако на практике отделить одно от другого оказывалось невозможно, да и нецелесообразно. Все эти проблемы во взаимоотношениях местных органов политической полиции негативно сказывались на их взаимодействии.

Во вновь созданных структурах сосредоточивалась розыскная работа, их важнейшими подразделениями являлись агентурные отделы. Оперативно реагировать на все изменения в революционном лагере помогала налаженная система учета и обобщения информации (знаменитые «разноцветные» досье — красные карточки на эсеров, зеленые на анархистов и т.д.), обязательен был и обмен розыскными данными между заинтересованными учреждениями.

Во многом всем этим преобразованиям органы политической полиции обязаны В.К. Плеве, который видел главную задачу в совершенствовании агентурной работы.

В связи со смещением акцентов на развитие внутренней агентуры многие щекотливые вопросы, неизбежно возникающие в процессе

деятельности политической полиции, вставали особенно остро. Какую линию поведения должен избрать секретный сотрудник, внедренный в противозаконное сообщество? «Активным участником в преступлениях секретный агент ни в каком случае не может быть допущен», — доказывал когда-то генерал В.Д. Новицкий. Но что способен узнать человек, который далек от дел нелегальной организации? И как тогда быть с главной задачей политической полиции — «предупреждением ... преступных деяний государственных»¹?

Однако в атмосфере охранного отделения всегда витал соблазн провокации. Любой секретный сотрудник мог оказаться двойным агентом как, например, знаменитый Евно Азеф, агент политической полиции и глава Боевой организации Партии социалистов-революционеров с 1903-го по 1908 год. В одном из обзорно-аналитических документов Департамента полиции имеется следующее определение понятия «провокация» — это «такое лицо, которое само принимает на себя инициативу преступления, вовлекая в это преступление третьих лиц, которые вступили на этот путь по побуждению агента-провокатора»². Офицерам, «ведущим розыск», вменялось в обязанность неукоснительно следить, чтобы агент не переступал тончайшую грань, отделяющую «сотрудничество» от «провокации».

С одной стороны, при участии Азефа было организовано убийство самого министра внутренних дел В.К. Плеве, который ратовал за развитие секретной агентуры. С другой стороны, его деятельность «обессилила террор в самую критическую для правительства и для революции эпоху»³ — ни одного удачного теракта после покушения на великого князя Сергея Александровича 4 февраля 1905 г. до конца Первой русской революции ПСР не осуществила. Но главным результатом подрывной работы Азефа стал острейший кризис партии, вызванный разоблачением секретного сотрудника полиции, ставшего одним из лидеров эсеров. Не доверяя больше ЦК, «гнезду измены и провокации», местные группы стремились к самостоятельности. Многие боевики вообще отошли от дел, в партии и в обществе набирали силу

антитеррористические настроения. После ряда неудач в начале 1911 г. БО ПСР была распущена.

«Дело» Азефа не прошло бесследно и для органов сыска. Помимо скандальных запросов о провокации в Думе, политическая полиция стала всё чаще сталкиваться в своих рядах с феноменом двойных агентов. Нередко последние пытались найти выход из тупика, в который рано или поздно загоняла их игра на два фронта, с помощью терактов. Гибель полковника С. Г. Карпова, убийство П. А. Столыпина поставили под сомнение правомерность использования важнейшего средства политического розыска – внутренней агентуры.

С назначением в январе 1913 г. товарищем министра внутренних дел заведующим полицией и командиром Корпуса жандармов В. Ф. Джунковского эти сомнения перетекли в практическую плоскость. Как пишет А. Ю. Дунаева, автор одной из последних монографий об этой интересной личности, «уже с первых шагов Джунковского на новом поприще обозначился конфликт между его взглядом на систему органов розыска как часть государственного аппарата, которая должна строго подчиняться действующим законам, и взглядом офицеров-«охранников», для которых на первом месте зачастую была конкретная розыскная целесообразность, а не абстрактное представление о чести и достоинстве и формальное выполнение законодательных норм»⁴.

Прежде всего, В. Ф. Джунковский поставил вопрос об отмене внутренней агентуры из числа нижних чинов в войсках. Хотя накануне этого распоряжения Департамент полиции издал целый ряд циркуляров, свидетельствующих о необходимости усиления агентурной работы в армии. Но человеку чести, каким, несомненно, являлся В. Ф. Джунковский, казалось совершенно «недопустимо, чтобы солдат был шпионом среди своих товарищей»⁵. О результатах этого преобразования можно судить по мемуарам Константина Ивановича Глобачева, который встретил Февральскую революцию на посту начальника Петроградского охранного

отделения: «С этого времени розыскные органы черпали сведения как бы мимоходом, случайные и весьма поверхностные. Например, известно было по некоторым данным, что уже в 1916 году настроение войск Петроградского гарнизона внушало опасения, но за отсутствием внутренней агентуры, вопрос этот не мог быть исследован с достаточной полнотой и конкретно, а потому и невозможно было заранее принять требуемые меры по ликвидации вредных элементов»⁶.

Подобным же циркуляром В.Ф. Джунковский запретил органам политической полиции иметь агентов среди учащихся средних учебных заведений. Реформы коснулись и наружного наблюдения. Жандармских унтер-офицеров, которые нередко использовались розыскными органами в качестве филеров, было предписано заменить вольнонаемными сотрудниками наружного наблюдения. Тогда им не пришлось бы переодеваться в «партикулярное платье» и отказываться от мундира — символа воинского достоинства. В.Ф. Джунковский был убежден, что высокое звание офицера вообще несовместимо с политическим розыском. Задача максимум, которую он не успел осуществить — передать эту грязную работу штатским специалистам-юристам.

В 1912—1913 гг. несколько снизилась острота противостояния власти и общества, в революционном движении наступило временное затишье. И В.Ф. Джунковский счел момент вполне благоприятным для сокращения средств на секретную агентуру. Исследователи замечают, что самому существенному сокращению подверглись агентурные расходы Киевского ГЖУ. Расследование обстоятельств гибели П.А. Столыпина выявило не только халатность местных органов сыска, но и растрату начальником Киевской «охранки» подполковником Н.Н. Кулябко значительных казенных сумм. А.Ю. Дунаева вообще считает, что предвзятое отношение В.Ф. Джунковского к секретным сотрудникам «было вызвано скорее всего тем фактом, что именно при участии агентов-провокаторов Е. Азефа и Д. Богрова

погибли два человека, которых Владимир Федорович глубоко уважал — великий князь Сергей Александрович и П.А. Столыпин»⁷.

Институт секретных сотрудников постепенно сокращался, также как и количество охранных отделений — «рассадников провокации», по мнению В.Ф. Джунковского. Если в 1902 г. охранных отделений было три, то к 1908-му их количество возросло до тридцати одного. Кроме того, было создано восемь Районных охранных отделений, являвшихся промежуточным звеном между Департаментом полиции и местными органами политического розыска. И на первых порах РОО оказались достаточно эффективными, оперативно реагируя на возникающие проблемы и координируя работу местных органов политической полиции. 15 мая 1913 г. были ликвидированы 8 охранных отделений, а осенью и все остальные, за исключением Петербургского, Московского и Варшавского. Та же участь была уготована Районным охранным отделениям, упраздненным в 1914 г. (за исключением Туркестанского). Дела ликвидированных учреждений передавались Губернским жандармским управлениям.

«...Джунковский уничтожил охранные отделения в провинции и передал снова агентуру в руки губернских жандармских управлений, то есть вернулся к той старой отжившей системе политического розыска, которая была изменена опытным и умным министром Плеве»⁸, — писал один из видных деятелей политического сыска Александр Иванович Спиридович. В сущности, структура политической полиции возвращалась к положению, существовавшему до 1902 г. Хотя, как мне кажется, вызовы времени требовали совсем другого ответа...

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 16. Л. 37.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 345. Ч. 1. Л. 391 об.

³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 281. Л. 127.

⁴ Дунаева А.Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский. М. 2012. С. 156.

⁵ Там же. С. 160.

⁶ Глобачев К.И. Правда о русской революции. М. 2009. С. 94.

⁷ Дунаева А.Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский. М. 2012. С. 197.

⁸ Спиридович А.И. Великая война и февральская революция. Нью-Йорк. 1960. Т. 2. С. 112.